

Страх как основание индивидуальной человеческой стратегии

Отношение к чувственному иным образом представлено в рамках современного общества, движущегося, прежде всего, экономическими и политическими стимулами, однако ни тот, ни другой способ организации общества не предполагает под собой определенной антропологической программы. Дело в том, что современное общество оперирует категорией практики, которая определяет преимущество той или иной социальной силы над иными, поэтому практика человека организуется в тренинговом режиме и приобретает черты постоянного совершенствования практической реализации человеческой активности. Практика настолько превалирует над прочими человеческими аспектами, что многие вопросы, касающиеся человеческой позиции – такие как смертность и смерть как таковая рассматриваются только в рамках тренинговой практики или практики психотерапевтического излечения. Вообще вопрос чувственного рассматривается в отношении способности человека тем или иным образом ориентироваться, посредством освоения значений и их воплощения. По большому счету, практика реализации того или иного образа или социальной программы – есть реализация чувственности. Однако это далеко от представления о непосредственности человеческого чувства, которое в рамках системы потребления рассматривается скорее как отсутствие того или иного стимула, способности. Воспитание таковой – собственно, практика очеловечивания в рамках системы «производства-потребления».

Если мы говорим о тех практиках, которые работают с чувственным в современном обществе, то помимо системы производства-потребления, мы обращаем внимание на практики очеловечивания, первыми из которых становятся – тренинговые (в том числе, корпоративные) практики и смежные с ними практики психотерапии, которые, по сути, и становятся основанием тренинговых практик. Тренинговые практики становятся реализацией программы излечения в более широких рамках социального контекста, когда речь идет о принадлежности той или иной социальной группе или социальной нише. В этом отношении, психотерапевтические практики также являются выражением социального образования человека, что можно проследить исходя из теоретического основания этих практик в рамках практики психотерапии.

Психиатрическая практика рассматривает современное общество как общество, имеющее в основании принципиальную практику двойственности в отношении к человеческой личности (еще К. Хорни подчеркивает невротизирующую роль разделения социальной позиции и самости, которая зачастую для включенной в социальный тренинговый режим человеческой личности оказывается второстепенной, малозначимой в прагматическом смысле, либо принципиально неформулируемой для личности как проблема). Эта позиция позволяет говорить об обществе и его социальных практиках как практиках невротизирующих, благодаря которым возникают институты, прежде всего, социальной реабилитации, которые, однако, опять же ориентируются на социальные заказы личности, оставляя вопрос самости за пределами социальной практики.

В этом смысле, невротизирующая практика современного общества является результатом прагматической ориентации

экономической системы производства, а значительная область чувственного выпадает за пределы практики реабилитации современного общества, тем не менее, она не отрицается, а, скорее, принципиально замалчивается. Чувственное, не включенное в процесс потребления – становится ненормальным, излишним, и, тем самым, подлежит приведению к границам социальной нормы, за единственным исключением, в рамках практики современного общества ненормальное приобретает характер нечеловеческого, теряет свой человеческий контекст. В данном случае, адекватной представляется аналогия с идеей страха как отношения к сокрытому у С. Кьеркегора [2. С. 145 – 147], которая описывает психологический механизм реализации чувственного как человеческой позиции, что актуально и для современного социального контекста.

Невротическая система личности позволяет рассматривать ее как реализацию той или иной социальной практики, карты того или иного корпоративного рецепта или ненормальной с социальной точки зрения структуры. Карта такого рода описывает человеческое относительно системы координат механизма производства-потребления, невроз есть индивидуальный маршрут относительно системы социальных стереотипов и значений, базой для которого становится страх как отношение к утаиванию самости. Страх становится единственным доступным способом отношения к самости, поскольку оперирует отношением к неопознанному (невывразимому в рамках социальной системы координат) такому как самость. Страх определяет степень замалчивания самости, поскольку страх в то же время – является требованием ее выражения, то есть отношением к человеческому как чувственному. Требование человеческого относительно поля социальных смыслов – выражается

как тревога (или на языке психотерапевтической практики – подавленный страх).

Условно, чтобы оперировать представлением о человеческом необходимо это представление сформулировать и реализовать. Основным вопросом будет, в данном случае, принципиальная возможность решения ситуации страха в рамках современной антропологической практики. Для этого необходимо обратиться к определенным аспектам современной позиции философии, прежде всего, смежности антропологического контекста с политической ориентацией современной философии.

В работе «Конец истории?» Ф. Фукуяма [5. С. 45 – 48] говорит о том, что современное человечество находится на этапе господства либеральной идеологии как безальтернативной человеческой программы. И, несмотря на то, что через 10 лет он пишет работу, в которой пересматривает некоторые положения своего исследования, как и саму радикальность собственной позиции, определенный смысл в таком утверждении есть, и он, прежде всего, касается антропологической позиции в рамках либеральной идеологии. Прежде всего, либеральная система в политической организации представляет собой программу, в рамках которой человеческое формулируется как специфическая позиция по отношению к другому. Основание специфического отношения к другому базируется на идее равенства людей, на основе естественных и политических прав, разделяемых участниками социальной организации. Идея договора совмещает в отношении к другому позиции политической свободы и ответственности, в этом отношении, договор представляется практикой организации определенного отношения к человеку как носителю неотчуждаемых качеств [4. С. 480 – 486]. Однако договор реализует только политическую (и в определенных аспектах,

Тотальность философского дискурса проблема самоопределения современной философии.

этическую) практику, не распространяясь на все области, относящиеся к человеческому, в частности, договор не охватывает сферу смертности и отношения к смерти, не реализует чувственные сферы – влюбленность, сожаление, даже способ выражения радости. Чувственная сфера находится во влиянии системы социального воспроизводства, но она не имеет системы выражения, в которой обозначались бы черты человеческого.

В этом смысле, договор как реализация человеческой программы – достаточно однонаправленная модель, которая претендует на человеческую практику только как политическая программа. Однако существенным моментом отношения к чувственному является заявление в рамках либерального общества идеи индивидуализма как основания человеческой практики, как основания самой человечности. В этом смысле, отталкиваясь от идеи естественных прав и свобод, современное общество, говоря словами С. Кьеркегора, воспроизводит человечество в грех автономии [2. С. 234 – 235]. Психологический механизм воспроизводства в автономии замещается невротизирующим рецептом социальной формы. В этом смысле, индивидуальность заявляется современным обществом как ключевой аспект человеческого, однако, несмотря на то, что индивидуальность мыслится как проект автономии, тем не менее, ее реализация всегда подлежит контролю со стороны социальной формы, другими словами, воспроизводство политической системы требует постоянной включенности индивидуальности в политический институт «общего дела» (в данном случае, речь идет, конечно, о демократическом проекте, который является системой, регламентирующей способы реализации человеческого, а его обслуживающие институты регламентируют способы выражения чувственного как человеческого в современном обществе). Принцип

воспроизводства «общего дела» проявляется в необходимости включенности в ту или иную социальную систему для получения человеческого статуса. Отсюда следует то, что принцип «общего дела» в его реализации в рамках политической программы отношения к другому направлен на достижение статуса человеческого, и последний недостижим без выполнения этой программы.

Рассмотрев политический проект, существующий в рамках современного либерального общества, мы пришли к тому, что человеческое воспроизводится как фикция чувственного, в том отношении, что чувственное регламентировано определенным способом воспроизводства в рамках социальных форм. Современная политическая система не воспроизводит человека как такового, она воспроизводит тип отношения к другому, и в этом смысле, она не дает практики человеческого, поскольку отказывается рассматривать область чувственного как проблемную, помещая ее в контекст системы социального воспроизводства. Собственно два других проекта: индивидуалистический проект (аналогия проекта «бунта» у А. Камю, «аристократической морали» у Ф. Ницше и др.) и религиозный проект (аналогия проекта «искупления» у С. Кьеркегора, проекта русской религиозной философии и религии как таковой) – напротив, рассматривают чувственное исходным пунктом человеческого, в этом отношении, оба эти проекта предполагают практику чувственного, на основе которой человеческое обретается и осваивается. Оба эти проекта направлены на то, чтобы такого рода практика не принималась как своеобразный рецепт, а образовывалась в контексте включенности в человеческое (в первую очередь, как индивидуальное) в собственном решении проблемы обретения статуса человеческого. В этом случае, мы не говорим о человеческом как о данности для этих двух проектов, а, кроме того, человеческое

становится как процессом, так и результатом такой практики. Однако эти проекты имеют существенное отличие в самой природе практики работы с чувственным, а именно – направленности на индивидуальное решение такой человеческой ситуации (внутри индивидуалистического проекта) и направленности на приобщение как практику человеческого (внутри религиозного проекта).

Если говорить о продуктивности этих проектов именно в отношении человеческого становления, то, вероятно, религиозная практика – это наиболее продуктивный тип человеческой практики, поскольку в рамках нее человеческая чувственность оберегается от невротизирующих моментов искажения чувственного. Конечно, речь идет об идеальной варианте воплощения данного проекта, чувственность такова, что ее болезненность, как мы замечали в рамках рассмотрения психологического типа исследования, в частности, С. Кьеркегора, что болезненность – это ее принципиальная возможность, соотносимая с самой природой чувственного. Однако, в данном случае, чувственное возможно обезопасить за счет его включенности в общее дело, которое в данном случае имеет как раз не политический подтекст, а именно антропологический, то есть, организующий человеческое. Вообще, смысл как индивидуалистического, так и религиозного проекта как раз в образовании человеческого, в отличие от проекта производства, которое призвано организовать сам институт производства человеческой формы.

Разворачивая далее различие этих проектов, необходимо обратить внимание на тот факт, что индивидуалистический проект отталкивается от данности чувств того, кто его совершает, в этом смысле, он погружен в индивидуальное и принципиально неповторим. Несомненно, что и в рамках религии освоение

происходит через индивидуализацию этого проекта, однако предполагает соотнесенность со всеми другими индивидуально его осваивающими, в то время, как индивидуалистический проект, как правило, обособляет человека, поскольку требует концентрации на области индивидуального чувства, которая теряет свою силу в отношении к другому. В рамках религиозного проекта как раз отношение к другому выступает основанием индивидуального действия освоения.

А. Камю, рассматривая религиозный проект, критикует его за совершение «скачка» из области человеческого в область божественного (превышающего человеческое), в котором, по его словам, теряется ясность данности человеческой ситуации, данности человеческих чувств. [1. С. 65 – 67] В этом отношении, такой скачок разумно представляется ему необоснованным. Однако возможно говорить о религиозной практике с иной позиции, в рамках которой рассматривать приобщение к божественному не как выход за пределы человеческого, а как выстраивание специфического человеческого отношения к другому. Именно на таком основании определяется причастность как особое отношение к другому, в этом случае, религиозная практика не представляется находящейся за пределами человеческого. Разумеется, искупление мыслится как акт, для которого человеческой активности недостаточно, и так теряется смысл человеческой практики, однако – искупление точно так же является индивидуальным действием, это действие, смысл которого заключается в единомоментном преображении человеческой чувственности, открытии ее, следуя логике С. Кьеркегора. В этом моменте, а также в том, что человеческое является таковым и в процессе религиозного освоения, видится продуктивный момент,

поскольку человеческое как обретение не требует своеобразного откупа, а предполагает собственную реализацию.

Вообще оба эти проекта направлены на работу с чувственным как данностью и в тоже время залогом человеческого, поэтому рассматривают страх соравный самой задаче человеческого преобразования. Страх, как мы уже подчеркивали, есть отношение к возможности, он напрямую соотнесен с человекотворческой практикой, является показателем необходимости индивидуальной активности. Однако именно страх образует ту психологическую ловушку, о которой говорит С. Кьеркегор, страх лежит в основании невроза, в основании любой чувственной карты, и в этом смысле, страх напрямую отнесен к определению человеческого [2. С. 87]. В этом смысле, важно обратить внимание на психотерапевтическую практику, которая в рамках современного общества существует наравне с религиозным и индивидуалистическим проектами, с тем, чтобы уточнить ее специфику в отношении к практике работы с человеческой чувственностью, и в частности, со страхом. Психотерапия, разумеется, сталкивается не с продуктивной работой со страхом, а с результатами деструктивного действия невротизации индивидуальной чувственности, и сам смысл психотерапевтической практики аналогичен религиозной и индивидуалистической практике, в том отношении, что он настроен на преодоление негативного переживания автономии и установления практики открытия человеческой чувственности, именно такую задачу практики психотерапии подчеркивает А. Янов в рамках работы «Первичный крик» [6. С. 25].

Человеческая задача в рамках практики сводима к тому, чтобы преобразить человеческую чувственность до состояния выхода из софизма страха, выхода за пределы узкой невротической карты, хотя

бы на уровень более широкой социальной невротической карты (именно этот момент является основанием для критики психотерапии как практики прививания социального невроза). Однако речь идет, прежде всего, о снятии остроты переживания индивидуального невротического искажения чувств, в этом смысле, практика адекватна задаче. С другой стороны, тот глобальный антропологический подтекст такого рода практики не реализуем в рамках действительной работы этих практик, поскольку раскрытие чувственности инсайтового плана является задачей далеко не всех направлений психотерапии, в частности, танатотерапия, телесная терапия Лоуэна-Райха [3. С. 17 – 19], терапия «первичного крика» как раз обращаются к более глобальной антропологической задаче: преобразование искаженной чувственности в открытую чувственность. Поскольку в рамках религиозной практики совершение определенного отношения к другому – становится залогом собственной человечности, обретения природы человека, в то время как в рамках индивидуалистической практики – это только лишь вопрос субъективной этики, а в рамках психотерапии – техника излечения от состояния страха. Однако сам принцип отношения к другому, как принцип причастности наравне с сотворчеством способен и в рамках индивидуального проживания привести к открытию чувственного, а значит – позволить добиться эффекта равного эффекту религиозной практики. Нельзя сказать, что это вопрос исключительно выбора каждого, поскольку уже такая формулировка настораживает самим принципом автономии, лежащим в основании ее, дело, скорее, в том, что практика единообразна, сам характер человеческого рецепта единообразен относительно данности человеческой ситуации, относительно характера комплекса человеческой чувственности.

Список литературы:

1. Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.
2. Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.
3. Лоуэн А. Психология тела. М., 2000.
4. Фишер К. История новой философии: Введение в историю новой философии. Френсис Бэкон Веруламский. М., 2003.
5. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.
6. Янов А. Первичный крик. М., 2009.